



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 870–882, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.272

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882



Дискурсы конструирования исторической памяти о местнорусских в Монголии

Айса Николаевна Биткеева^{1,2}, Александр Викторович Исаков³

- 1 Институт языкознания РАН (д. 1/1, пер. Большой Кисловский, 125009 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра
- 2 Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (д. 25а, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-3765-2144. E-mail: [an.bitkeeva\[at\]iling-ran.ru](mailto:an.bitkeeva[at]iling-ran.ru)
- 3 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0003-3416-9683. E-mail: [alexandr_isakov98\[at\]vk.com](mailto:alexandr_isakov98[at]vk.com)

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Биткеева А. Н., Исаков А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Местнорусские Монголии — диаспорная группа русских, образовавшаяся в результате миграций в Монголии в середине XIX – начале XX в. В статье рассматриваются сюжеты исторической памяти русского старожильского населения Монголии, записанные в ходе полевого исследования этнической группы русских Монголии в августе 2023 г. *Цели и задачи.* В статье рассматриваются основные дискурсы конструирования исторической памяти, в рамках которых формировалась группа местнорусских Монголии. Историческая память местнорусских интересна как отражение этапов формирования диаспоры, ее этнокультурного контекста и самоидентификации. *Методы исследования.* Основным методом получения знаний об этнокультурной и языковой специфике этнической группы являются развернутые автобиографические нарративы. Нарратив понимается нами как реконструкция, целью которого является не демонстрация настоящего положения дел, а воссоздание опыта прошлого с интерпретацией реальности. В основе анализа в статье представлен *материал*, полученный в ходе полевого исследования русского старожильского населения Монголии авторами статьи в августе 2023 г. Были записаны 17 автобиографических интервью у разных социальных групп местнорусских, проживающих в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии в ходе полевого исследования в 2023 г. *Выводы.* Русское старожильское население Монголии конструирует образ диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств, оказалось оторвано от своей родины — России, но все время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Заметим, что дискурс отвергнутой диаспоры имеет не только символическое значение, связанное с реабилитацией местнорусских после очернения их истории мифом о «семёновцах», но и вполне практический смысл, апеллируя к своему патриотизму, местнорусские стремятся добиться улучшения своего юридического статуса в Монголии, большей поддержки со стороны России, расширения гражданских прав.

Ключевые слова: русское старожильческое население, диаспора, историческая память, коллективная травма, Монголия

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)» (№ 23-18-00478, <https://rscf.ru/project/23-18-00478/>).

Для цитирования: Биткеева А. Н., Исаков А. В. Дискурсы конструирования исторической памяти о местнорусских в Монголии // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 870–882. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882

Russian Diaspora in Mongolia: Discourses of Historical Memory Construction

Aysa N. Bitkeeva^{1,2}, Alexander V. Isakov³

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Head of Research Center

² Gorky Institute of World Literature of the RAS (25A/1, Povarskaya St., 121069 Moscow, Russian Federation)
Leading Research Associate

 0000-0003-3765-2144. E-mail: an.bitkeeva[at]iling-ran.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

© KalmSC RAS, 2024

© Bitkeeva A. N., Isakov A. V., 2024

Abstract. Introduction. Russians of Mongolia are a diaspora that formed as a result of migrations in the mid-nineteenth to early twentieth centuries. The article considers patterns and plots of Russian historical memory in Mongolia traced in narratives recorded during a field study of the specified ethnic group in August 2023 within a corresponding project funded by Russian Science Foundation (reg. no. 23-18-00478). **Goals.** The paper considers some key discourses of historical memory construction that largely shaped the Russian diaspora in Mongolia. The historical memory of Mongolia's Russians is interesting as a reflection of the group's formation stages, its ethnocultural contexts and self-identification trends. **Methods.** The main tool of obtaining data on ethnocultural and linguistic features of the ethnic group are detailed autobiographical narratives, the latter be understood as reconstructions aimed not at demonstrating the actual state of affairs but rather at reconstituting reinterpreted experiences of the past. So, the analysis focuses on materials collected during the aforementioned field study. A total of 17 autobiographical interviews were recorded across different social groups of Mongolia's Russians — in Ulaanbaatar, Darkhan, and Züünkharaa. **Results.** The Russians of Mongolia tend to construct an image of the diaspora as a community that had been forced to stay cut off from homeland Russia as a result of insurmountable circumstances, and that remained as faithful despite the experienced rejection and discrimination. It is noteworthy the discourse of somewhat rejected diaspora has not only symbolic meanings associated with the rehabilitation of Mongolia's Russians after their history was defamed with the 'Semyonovtsy' myth — but also pursues a completely practical goal: appealing to their patriotism Russians strive to achieve an improvement in their legal status in Mongolia, get support from Russia, and expand their civil rights.

Keywords: Russian diaspora, Mongolia, historical memory, collective trauma

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00478 'Russians of Mongolia: A Comprehensive Study of Culture in a Foreign Ethnic Environment (Folklore, Ritual Traditions, Language)'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00478>.

For citation: Bitkeeva A. N., Isakov A. V. Discourses of historical memory construction of Russian diaspora in Mongolia. *Oriental Studies*. 2023; 17 (4): 870–882. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882



1. Введение

Местнорусские Монголии — этническая группа русских, появившаяся в середине XIX – начале XX в. Характер ее формирования, исторического опыта, социальной и духовной жизни представляет значительный интерес в плане изучения адаптационных этнокультурных и языковых механизмов, трансформации фольклорных и обрядовых традиций в иноэтническом и иноязычном окружении. Актуальность исследования определяется, прежде всего, фактическим отсутствием материалов по культуре и языку постоянно проживающих в Монголии русских, предки которых эмигрировали из России в начале XIX–XX в.

В основе анализа в статье представлен материал, полученный в ходе полевого исследования русского старожильского населения Монголии авторами статьи в августе 2023 г. Были записаны 17 автобиографических интервью у разных социальных групп местнорусских, проживающих в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии.

В настоящее время численность этнических русских, называемых «местнорусскими», родившихся и проживших всю жизнь в Монголии, как и их родители, около 1 600 человек, согласно переписи населения Монголии 2020 г. [National Report 2021]. Основным местом проживания сегодня «местнорусского» населения в Монголии является столица страны — Улан-Батор, в «советские» времена они проживали в небольших станционных поселках вдоль железной дороги «Улан-Батор – Наушки», Дархане, Сухэ-Баторе, в Дзун-харе и ряде других небольших поселениях на севере и северо-западе страны, сегодня здесь проживает несколько семей русского старожильского населения Монголии. В Улан-Баторе местнорусские проживают компактно в районе «Жуковка» (по названию находящегося здесь памятника маршалу Г. К. Жукову). Именно последнее обстоятельство — компактность расселения — способствует некоторой культурной автономии «местнорусских» и по-

зволяет им сохранять характерные для них элементы быта и культуры.

Проанализируем основные дискурсы конструирования этнической группы и, в частности, их исторической памяти, поскольку историческая память определяет образ и условия жизни группы, определяет их будущее.

2. Методика исследования

2.1. Методика «Memory studies»

Отправной точкой исследований исторической коллективной памяти сегодня часто называют работу М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс 2007]. Именно в ней была впервые развернуто обоснована идея о том, что память — явление социальное, и представления людей о своем прошлом и прошлом своей группы предопределяются социокультурным контекстом. Современные же исследования исторической памяти главным образом связаны с теоретическими работами немецких исследователей Я. и А. Ассманов. Я. Ассман в своей программной работе [Ассман 2014] представил теорию культурной памяти, функционирование которой тесно связано с нарративами. Этническая и политическая идентичность сообществ базируется на нарративах, которые, в частности, формируют общие представления группы о своем прошлом [Ассман 2014: 139–176]. На примерах из новейшей истории А. Ассман разработала ряд тем, связанных с памятью и идентичностью: соотношение индивидуальной, социальной, коллективной и культурной памяти; память и культурная травма; память и чувство коллективной ответственности; конфликты в области памяти о прошлом; память и мемориальная политика и др. [Ассман 2014; Ассман 2016]. В указанных концептуальных рамках выстроено представленное исследование дискурсов исторической памяти местнорусских Монголии.

2.2. Нарративный анализ

Основным методом получения знаний об этнокультурной и языковой специфике этнической группы являются развернутые

автобиографические нарративы. Нарративный анализ продуктивен тем, что, не имея письменных источников и свидетельств отношения самих народов к тем или иным событиям, например, XIX – начала XX в., узнаем из рассказов, сохранившихся в памяти народа, через нарративы памяти, нарративы истории, биографические нарративы. Нарратив понимается нами как реконструкция, целью которого является не демонстрация настоящего положения дел, а воссоздание опыта прошлого с интерпретацией реальности. С одной стороны, нарратив включает план реальных событий, которые можно оценить объективно, с другой стороны, нарратив рассказывается через призму субъективной оценки, а значит, обладает «ландшафтом сознания» [Bruner 2004: 689].

Существует точка зрения, что конструирование этнической группы, ее идентичности происходит во взаимодействии трех дискурсов — научного, правового, политического [Соколовский 2013]. Правовой дискурс признает или не признает группы как самостоятельные единицы, отсеивает «неправильные» идентичности, «неэтнические» от этнических. Политический дискурс в зависимости от политической выгоды или политических рисков выстраивает официальные перечни и официальные категории этнических групп. Научный дискурс создает официальную категоризацию языков и культур [Соколовский 2013]. Однако немаловажным является самоопределение и представление о себе, своей истории, этнокультурной, языковой составляющей самими представителями этнической группы, это так называемый self-дискурс. Значительная часть анализа в данной статье отводится анализу этого дискурса.

3. Научный дискурс

История русского старожильского населения Монголии мало изучена, больше всего мы знаем о ее ранних этапах — дореволюционном и постреволюционном. Хотя интерес к этнической группе местнорусских существовал всегда, начиная с XIX в. Первые сведения о них мы находим в небольших статьях и сообщениях путешественников — Г. Н. Потанина, П. К. Козлова,

А. Свечникова [Потанин 1883; Козлов 1911; Свечников 1912], в книге И. М. Майского «Современная Монголия» [Майский 1921; Майский 1960], последний был свидетелем начала формирования группы русских в Монголии, оказавшись в стране, в ее первые годы независимости от Китая, что отражено в этнографических описаниях быта русских, контактов и взаимоотношений с монголами и китайцами и др.

Существует ряд тематических исследований жизнедеятельности русского населения Монголии. Так, исследователи рубежа XX–XXI вв. занимались изучением русско-монгольских дореволюционных связей в торговле — Е. М. Даревская, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев [Даревская 1994; Единархова 2008; Единархова 2015; Старцев 2003] и др., использованием русского языка в промышленной и образовательной сфере Монголии Г. А. Дырхеева, Э. Саранцацрал, Ч. С. Цыбенова [Дырхеева и др. 2023]. В последние годы появились работы о русских в Монголии социо-исторического и культурологического плана: А. В. Михалева [Михалев 2011; Михалев 2015], Д. Б. Сундуевой [Сундуева 2014], Лувсанбалдан Одонтуяа [Лувсанбалдан 2023], Л. С. Дампиловой [Дампилова 2023], О. В. Бураевой и Д. Наранцэцэг [Бураева, Наранцэцэг 2019].

В истории жизни «местнорусских» Монголии можно выделить как минимум три периода, три волны миграций, определивших неоднородный социальный и этнический состав диаспоры.

Первые русские поселенцы появились в Монголии после подписания Россией Тяньцзиньского и Пекинского договоров с Китаем в период с 1858–1861 гг. В числе первых русских переселенцев были алтайские староверы, гонимые на родине за свои религиозные убеждения, они селились в основном в западных районах Монголии и представляли одну часть русской колонизации в Монголии в тот период. По свидетельствам русских путешественников и одновременно исследователей Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, Н. М. Пржевальского, отдельные группы русских из староверов (семейских) и беглых крестьян селились в долинах рек Селенги, Онона, Орхона, Тэса.

Другой струей первой русской переселенческой волны, вызванной открывшейся с 1860 г. первой русской торговлей, были русские купцы, селившиеся в основном в Северной Монголии, ближе к торговому пути. По свидетельству И. М. Майского, до конца XIX в. число русских торговцев поселенцев росло медленно и составляло примерно 300–400 чел. [Майский 1921: 87]. Как писал И. М. Майский, в противоположность китайцам, русские колонисты из торговой среды устраивались на этой территории основательно: селясь в пределах Автономной Монголии, русский торговец заводил целое хозяйство [Майский 1921: 87].

Активное формирование русского населения в Монголии началось в начале XX в., после обретения Монголией независимости от Китая и эмиграции русских по окончании Гражданской войны из пограничных районов Забайкалья и Прибайкалья, в 1910 г. число русских в Урге составило 600 чел., в Улясутае и Кобдо — по 40–50 чел. После переворота 1912–1919 гг. в Монголии численность русских увеличилась с 1,5 тыс. чел. до 5 тыс. человек [Майский 1921: 87–88].

Вторая волна миграции русского населения в Монголию возникла в революционные годы и связана с белогвардейским движением.

Третья волна миграции русских в Монголию произошла в 1930-е гг. из-за коллективизации и голода русских переселенцев с пограничных территорий СССР в Монголию, в результате появились русские деревни на реках Еро, Селенга, Онон, Хаара.

В бассейне реки Еро действовали советско-монгольские золотодобывающие концессии. В 1930-е гг. приисковые рабочие вывозили свои семьи из Забайкалья в Северную Монголию, что положило начало появлению русских поселений Бельчир, Ибициг, Шарагол, Жаргалантуй, Шамар. Русские поселения тяготели к поселку Корнаковке — бывшей усадьбе кяхтинского купца И. И. Корнакова, где поселились еще в конце XIX в. забайкальские старообрядцы.

Вблизи Кяхты и Забайкалья большая часть семей русско-китайских браков. Большая часть русских семей жила в Алтан-Булаке. В 1938 г. по решению Монгольского

правительства жителей Алтан-Булака, в основном смешанные русско-китайские семьи, переселили вглубь страны для поднятия земледелия в Центральный аймак сомон Жаргалантуй в 120 км к северу от города Улан-Батор [Маслов 2009: 64–65]. Некоторые семьи проработали в этом совхозе до конца 1960-х гг. Потребность получения образования стала причиной переселения большого количества местнорусских в Улан-Батор, где была на тот момент единственная русская школа.

В 1950–1960 гг. русская диаспора формировалась в основном из потомков старообрядцев, проживавших в деревнях, из советских граждан русско-китайских семей. Подавляющее большинство местнорусских, уже в советское время имевших паспорта граждан СССР, выехали в 1990-е гг. в Россию, многие оказались в странах Западной Европы, в первую очередь женщины, выходявшие замуж за специалистов из ГДР и Югославии, работавших в МНР в 1980–1990-е гг. [Веретнова 2019]. Такая разбросанность не способствует сохранению традиционной культуры и языка. Тем не менее предварительные наблюдения показывают, что современное сообщество «местнорусских» сохраняет определенную гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи определенных внутрисемейных и общинных традиций.

Сегодня русская диаспора Монголии в основном двуязычна, большинство владеет прекрасно и русским, и монгольским языками, свободно переключаясь в зависимости от коммуникативной ситуации. Очевидно, что полная адаптация и естественная интеграция в монгольское сообщество произошли в 1960-х гг., сформировался контактный билингвизм, владение монгольским языком и использование его в повседневной общественной жизни при сохранении русского языка, в семейном общении русский язык выступает как функционально первый. В третьем поколении возникают матримониальные отношения в браке с монголами. В основном доминирует литературная форма русского языка, с лексической специфиче-

кой забайкальского говора. Фонетические особенности русского языка местнорусских Монголии специфичны в плане фонетической интерференции со стороны монгольского языка. У молодого поколения местнорусских очевидны активные ассимиляционные процессы в языковом плане, активный переход на монгольский язык. Сказывается влияние монгольского языка в основном и на уровне лексических заимствований. Поскольку в жизни русской диаспоры Монголии в самом начале ее формирования сильный был китайский компонент, у многих отцы были китайского происхождения, поэтому до сих пор можно услышать элементы маймачинского говора, в основном в речи старшего поколения местнорусских [ПМА 2023].

В третьем поколении местнорусских частотны матримониальные отношения в браке с монголами, сохранение религиозных православных практик при симбиозе с буддийскими и шаманскими элементами.

Очевидно, что здесь проявляется стандартный механизм адаптации диаспоры, тем более в иноязычной и иноэтничной среде, когда в третьем поколении этнокультурные элементы постепенно угасают и замещаются элементами доминирующей группы.

4. Политический и правовой дискурсы

Развитие этнической группы местнорусских шло параллельно и обособленно в силу политических, идеологических контекстов. На протяжении 1920–1950-х гг. они находились в относительной культурной и социальной автономии, участвовали в хозяйственно-экономической жизни МНР, не отделяли себя от исторической родины (многие из них воевали на фронтах Великой Отечественной войны) [Память... 2010]. После 1957 г. «местнорусские» оказались в определенной идеологической и социальной изоляции: негативное отношение со стороны официальных представителей СССР обусловило к ним и соответствующее отношение со стороны приезжавших в МНР специалистов из СССР, произошла естественная консервация этнокультурных и языковых моментов, кроме того, сказывалась относительная компактность проживания.

Исследователи отмечают нелояльность представителей диаспоры советскому государству, что стало заметно в 1960-х гг. «когда в Монголию в массовом порядке стали прибывать советские войска и специалисты для укрепления основ социалистического строя и защиты от «китайских империалистов» [Михалев 2011: 183]. Таким образом, «местнорусские попадали в категорию „коренных народов“, не сопричастных сообществу специалистов» [Михалев 2011: 183], что и определило идеологический дискурс местнорусской диаспоры в недружественном образе. Очевидно, что здесь проявляется стандартный механизм адаптации диаспоры, тем более в иноязычной и иноэтничной среде, когда в третьем поколении этнокультурные элементы постепенно угасают и замещаются элементами доминирующей группы.

Сообщество местнорусских до недавнего времени не имело возможности публично представлять собственную версию своего прошлого. Их история была сочинена государством, которому понадобился нарратив о предателях-«семёновцах», и самим местнорусским оставалось только принять эту навязанную им историю как данность: не они сами, но некто другой создавал их историю и образ их группы. Думается, что А. В. Михалев удачно подобрал теоретический ключ к исследованию идентичности и культурной памяти местнорусских, предложив рассматривать их как сообщество-субалтерн [Михалев 2011: 184]. Такие сообщества лишены собственного голоса в культурном пространстве: за них говорят представители доминирующих групп, в то время как самим субалтернам отведено подчиненное положение.

Анализируя процесс трансформации статуса местнорусского населения Монголии во второй половине XX в., А. В. Михалев отмечает, что политический статус группы определяется исходя из трех ключевых маркеров: гражданства, лояльности к государству исхода, наличия / отсутствия гражданских прав [Михалев 2011: 183].

Этнокультурное самосознание местнорусской диаспоры формировалось в контексте противоречивых нарративов о

ее происхождении и истории. Современные исследования исторической памяти все больше внимания уделяют таким случаям, когда образ прошлого становится предметом явной или скрытой дискуссии и инструментом формирования альтернативных моделей идентичности [Ассман 2014; Ассман 2016]. В современных представлениях местнорусских об истории своей группы изначально заложено противостояние доминирующего (внешнего) и репрессированного (внутреннего) образа своего прошлого. Эта позиция объясняет языковые установки и языковые идеологии группы. Через эту проекцию следует анализировать нарративы местнорусских Монголии о своем прошлом.

5. Self-дискурс (дискурс самопрезентации)

Источники изучения self-дискурса местнорусских Монголии можно разделить на публичные высказывания и интервью, записанные в ходе полевых исследований. Публичные высказывания в свою очередь включают в себя выступления в СМИ (например, «Ургинские ведомости»), открытые письма, художественные тексты. Последняя категория представлена одним известным нам текстом — романом Анжелики Веретновой «Белая монголка» [Веретнова 2019]. Предварительный анализ и сопоставление публичных высказываний и полевых материалов показал наличие в текстах обеих групп общих тем, мотивов, идей. Следовательно, изучение исторической памяти в self-дискурсе местнорусских Монголии на материале источников различного происхождения довольно продуктивен.

Выделяются «общие места» нарративов об истории диаспоры, семьи и личной биографии:

- Кто мы? («мы не семёновцы»);
- дискриминация («оценки в школе всегда были на балл ниже»);
- Великая Отечественная война («воевали вместе со всеми»);
- противоречивый постсоветский период («ни Россия, ни Монголия не признают нас полноценными гражданами»).

7. Нарратив «Кто мы?».

В советской Монголии местнорусские практически были лишены голоса в публичном дискурсе о собственном прошлом. В постсоветский же период их высказывания о происхождении и истории своего сообщества становятся явно диалогичными в том смысле, в каком говорил о диалоге и диалогизме М. М. Бахтин [Бахтин 2002: 220]: сказанное слово непременно подразумевает иную точку зрения, а конкретно в данном случае — точку зрения внешних дискурсов, которые продуцировались и продуцируются советским, российским и монгольским государствами, СМИ, политиками и учеными. В публичных выступлениях и исследовательских интервью представители местнорусской диаспоры часто апеллируют к этим внешним дискурсам: вспоминают советский миф о местнорусских-«семеновцах», спорят с позицией российских и монгольских властей относительно статуса местнорусских, критикуют статьи ученых и телепередачи о себе [ПМА 2023]. Таким образом, их нарратив о своем прошлом в значительной мере строится как ответ другим нарративам, которые видятся им неправильными, несправедливыми, недостоверными.

Сегодня формальные барьеры для самовыражения местнорусских сняты, но публичных высказываний о прошлом местнорусских, принадлежащих самим представителям этого сообщества, за весь постсоветский период было сделано не так много. Главным образом это немногочисленные публикации в прессе и открытые письма, обращенные к представителям монгольской и российской власти. Напомним, что есть одно художественное произведение, представляющее историю местнорусских, — роман А. Веретновой «Белая монголка» [Веретнова 2019]. Основным же источником для изучения self-дискурса местнорусских являются интервью, проведенные учеными в ходе полевых исследований.

Важная черта нарративов, которые воспроизводят сегодня местнорусские — протест против внешнего дискурса о диаспоре, с которым они не согласны. Рассказывая о своем прошлом, современные местнорусские оспаривают те представления, которые

были созданы о них во «внешнем мире», стремятся утвердить иную, собственную версию своей истории.

Важнейшим предметом этого «заочного спора» выступает история происхождения диаспоры. Как уже было отмечено, в советское время распространялся нарратив, согласно которому местнорусские — это потомки участников Гражданской войны, выступавших против советской власти. Их миграция в Монголию объяснялась желанием предателей Родины скрыться от возмездия. Между тем семейные истории местнорусских, которые можно услышать от них сегодня, совершенно аполитичны и не связывают происхождение диаспоры с каким-либо организованным выступлением против Советской России. Отвечая на вопрос, как их предки оказались в Монголии, местнорусские чаще всего говорят о голоде, нестабильности, которые наступили в годы революции, что и заставило их предков мигрировать в поисках лучшей жизни [ПМА 2023]. При этом не идет речи об отъезде из России — в те годы, как в один голос утверждают многие люди, граница между Россией и Монголией не была обозначена, поэтому русские, переселявшиеся на новые земли, не думали, что они покидают свою родину. Уже позднее им пришлось столкнуться с осознанием того, что они теперь — за границей, и принять это как данность [ПМА 2023].

Семейная память сохранила некоторые подробности того, как русские переселенцы переживали тяжелые годы и приспосабливались к жизни на новом месте. Одна из таких подробностей, которая роднит семейные нарративы многих местнорусских, — это браки русских женщин с китайцами. Китайцы, занимавшиеся торговлей и земледелием, обеспечивали своим русским женам и их детям сытую жизнь [ПМА 2023]. Тем не менее наличие в родословной «китайской крови» не стало для местнорусских поводом причислить себя к китайцам: материнская линия оказывается для них важнее. Как сообщают респонденты в устных рассказах, сами русские жены способствовали ассимиляции китайцев, давали им русские имена и не позволяли говорить с детьми по-китай-

ски [ПМА 2023]. В современных выступлениях местнорусских встречаются высказывания, подчеркивающие, что браки с китайцами и монголами незначительно повлияли на облик диаспоры, — тем самым, вероятно, оспаривается мнение о недостаточной «русскости» местнорусских, которое выражают некоторые сторонние наблюдатели [Матвеев 2007: 5].

Попытки связать историю местнорусских с белым движением и в особенности с атаманом Г. М. Семёновым обычно встречают резкий отпор. Такие высказывания воспринимаются как попытка заклеить местнорусских подобно тому, как это было сделано в советское время. Например, Л. М. Матвеев в «Ургинских ведомостях» так высказывается о статье А. Трубача, где присутствовала мысль о «белом» происхождении местнорусской диаспоры: «Почему он и некоторые господа из России называют колонистов белоэмигрантами? Могут назвать белогвардейцами, унгерновцами, николаевцами и пр. Считалось, чем больше грязи, тем лучше. Это от безграмотности, от незнания истории России и Монголии» [Матвеев 2007: 5]. Довольно часто местнорусские, оспаривая свое прозвище «семёновцы», апеллируют к истории: «здесь семёновцев никогда не было» [ПМА 2023]. Обозначая «белоэмигрантскую» версию своей истории как неправдивую, местнорусские отсылают к своему альтернативному нарративу, где образование диаспоры не связано с политическим противостоянием.

Однако порою можно заметить, что и «белоэмигрантская» версия происхождения диаспоры может быть чем-то привлекательна для местнорусских. Некоторые из них — те, кто озабочен положением своей диаспоры в мире «русского зарубежья» — в интервью акцентируют внимание на том, чем отлична диаспора местнорусских от «классической» русской эмиграции [ПМА 2023].

В массовом сознании русское зарубежье в первую очередь ассоциируется со статусными эмигрантами, которые покинули Россию в советское время по мотивам политического несогласия с новой властью [ПМА 2023]. Предки местнорусских по своему социальному статусу и мотивам миграции заметно

отличались от «привилегированной» части русской эмиграции, которая стала для большинства россиян «лицом» русского зарубежья. «Мы не дворяне, мы крестьяне», — так резюмировала это отличие одна из наших информанток [ПМА 2023]. На этом фоне особенно интересно выглядит вышеупомянутый роман А. Веретновой «Белая монгол-ка», где история местнорусских — вопреки господствующей в их сообществе тенденции — связывается с политическим противостоянием эпохи Гражданской войны. В этом романе предки местнорусских — забайкальские казаки — участвуют в войне на стороне барона Р. Ф. Унгерна, а потом укрываются в Монголии от советской власти. Местнорусские здесь представлены именно как сообщество, вынужденное покинуть родину из-за политических разногласий с новой властью. По-своему А. Веретнова интерпретирует даже мотив прадедушки-китайца, который стал мужем русской казачки в Монголии. Этот прадедушка в романе оказывается вовсе не китайцем, а бурятским казаком, вместе с товарищами воевавшим под началом Р. Ф. Унгерна. После установления советской власти в Монголии ему приходится сменить имя и выдавать себя за китайца, чтобы избежать возмездия за участие в антисоветской борьбе. Такая интерпретация происхождения местнорусских позволяет А. Веретновой включить их историю в большой нарратив о русской эмиграции начала XX в., героями которого являются патриоты «старой России», вынужденные бежать от новой несправедливой к ним власти.

6. Нарратив дискриминации

Память о советском периоде в сообществе местнорусских пронизана двумя сквозными мотивами: с одной стороны, это никогда не прерывавшаяся связь с исторической родиной — Советским Союзом, а с другой — постоянная дискриминация, неприятие их со стороны этой родины.

Обращают внимание на уязвимое правовое положение местнорусских в первые десятилетия их проживания в Монголии: им не давали монгольское гражданство, но и полноправными советскими гражданами они не были. Тем не менее местнорусские

сохраняли верность России и постепенно вовлекались в строительство нового социалистического общества в Монголии под эгидой СССР, — например, участвовали в организации колхозов. Тем обиднее воспринимается удар, нанесенный по семьям местнорусских в годы репрессий, которые настигли их наравне с жителями Советского Союза. Это событие описывается как один из моментов отвержения со стороны исторической родины: «никаких заслуг перед Отечеством не признавали» [Матвеев 2007: 7].

7. Нарративы Великой Отечественной войны

«Великая Отечественная война в памяти местнорусских, как и у жителей России, занимает особенное место. Они гордятся участием своих предков в этой войне, тем, что они защищали свою родину, хоть и не жили на ее территории. Такие коммеморативные практики, как ношение георгиевской ленточки, проведение шествий «Бессмертного полка», выпуск книг памяти [Память... 2010], распространены среди местнорусских Монголии так же, как и в России. При этом факт участия местнорусских в войне может использоваться и для упрека советской и российской власти в том, что патриотизм местнорусских оставался безответным чувством. «Наши бабушки отправляли своих мужчин воевать за СССР во время Великой Отечественной войны, не ожидая награды, считая своим нормальным, истинным гражданским долгом такой шаг. Несмотря ни на что, даже вопреки всем ограничениям, мы были верны советскому паспорту», — пишет А. Веретнова [Веретнова 2019: 167; ПМА 2023].

8. Нарратив о противоречивом постсоветском периоде

Случаи позитивного внимания со стороны исторической родины очень ценятся местнорусскими, чья жизнь пришлась на вторую половину XX в. Так, с добром вспоминают они участие в строительстве и дальнейшую работу на Улан-Баторской железной дороге (которая была совместным советско-монгольским предприятием), основание русских селений вдоль этой дороги,

крупнейшим из которых стала Дзун-Хара, где и сейчас сохраняется русская диаспора. Положительно оценивают деятельность посла СССР В. М. Молотова, который первым среди официальных лиц стал уделять внимание местнорусской общине [ПМА 2023].

Вместе с тем респонденты часто вспоминают случаи дискриминации в школах и других советских учреждениях. Наши собеседники, чье детство пришлось на позднесоветские годы, рассказывают похожие друг на друга истории о том, как в советской школе их — детей местнорусских — недолюбливали учителя и все время занижали оценки [ПМА 2023]. Наглядный пример стигматизации местнорусских в школе приводит в своем романе А. Веретнова: детей командированных советских граждан принимали в комсомол, монгольских детей — в ревсомол (аналог комсомола в Монголии), а дети местнорусских не имели права вступить ни в одну из этих организаций [Веретнова 2019: 142]. Отдельную категорию составляют рассказы о предвзятом отношении советских специалистов, командированных в Монголию, к местнорусским: «Специалисты из СССР презирали нас, говорили: „белогвардейцы“, „семеновцы“. Раньше им нельзя было на местных жениться. Говорили, что, мол, и оружие есть у нас, и пулеметы» [Сундеева 2014: 108].

Период постсоветских преобразований в памяти местнорусских отпечатался столь же противоречиво: с одной стороны, пришел конец советским практикам дискриминации «семеновцев», поскольку сам нарратив о борьбе с врагами советской власти после распада СССР стал не актуален, но в то же время российское государство с точки зрения местнорусских все так же не проявляет достаточного внимания к нуждам диаспоры. В результате многие местнорусские уезжают из Монголии, а оставшиеся все чаще вступают в смешанные браки, и их дети теряют русскую идентичность. В таком контексте советский период уже начинает восприниматься как «золотой век» диаспоры, когда русские, несмотря на все проблемы, имели возможность сохранять свой язык и культуру благодаря многочисленному сплоченному сообществу.

Сохраняющееся уже целый век противоречие между интересами местнорусских и реальной политикой российского государства поддерживает воспроизводство нарративов об отвергнутой диаспоре. Активист местнорусского сообщества В. А. Дунаев в письме к российскому послу И. К. Азизову в 2019 г. задает показательный риторический вопрос: «То, что мы смогли сохранить преданность гражданству России, сохранили русскую культуру — это ничего не значит?!» [Дунаев 2019]. В том же духе резюмирует историческую судьбу местнорусских А. Веретнова: «А мы — уже несколько поколений, рожденных в Монголии, — упорно говорили и думали на русском; вставляли в очередь за советскими паспортами; пекли куличи на Пасху; варили борщи, окрошку; пили квас из чайного гриба; пели на празднованиях русские народные песни; хоронили родных на русском кладбище по русским обычаям; и учили русскому языку, русской культуре своих детей. Считали себя русскими, несмотря на нашу смешанную кровь, на непохожесть на чистых по крови славян. Болели за СССР, потом за Россию в сезон Олимпийских игр, были патриотами СССР, потом России. Переживали за политиков, хотя не имели права принимать участия в выборах. Наши бабушки отправляли своих мужчин воевать за СССР во время Великой Отечественной войны, не ожидая наград, считая своим нормальным, истинным гражданским долгом такой шаг. Несмотря ни на что, даже вопреки всем ограничениям, мы были верны советскому паспорту, а потом российскому» [Веретнова 2019: 167].

9. Заключение

Современный self-дискурс местнорусских Монголии во многом основан на полемике с внешними дискурсами о диаспоре, которые экзотизируют местнорусских, представляя их предателями-белогвардейцами, метисами, «неправильными русскими» и т. д. В ответ на это местнорусские конструируют образ своей диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но все

время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Заметим, что дискурс отвергнутой диаспоры имеет не только символическое значение, связанное с реабилитацией местнорусских после очернения их истории мифом о «семеновцах», но и вполне практический смысл:

апеллируя к своему патриотизму, местнорусские стремятся добиться улучшения своего юридического статуса в Монголии, большей поддержки со стороны России, расширения гражданских прав. Впрочем, эти проблемы достойны отдельного, более глубокого исследования.

Полевые материалы авторов

ПМА 2023 — Полевое исследование русско-го старожильского населения Монголии: 17 автобиографических интервью (запись в августе 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

Authors' Field Data

Field study of Mongolia's native Russians: A total of 17 autobiographic interviews (Rec. in August 2023, Mongolia: Ulaanbaatar, Darkhan, Züünkharaa).

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман 2016 — *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 223 с.
- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
- Бураева, Наранцэцэг — *Бураева О. В., Наранцэцэг Д.* Русские в Монголии: свидетельство А. И. Маслова // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 167–176.
- Веретнова 2019 — *Веретнова А.* Белая монгол-ка. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 244 с.
- Дампилова 2023 — *Дампилова Л. С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.
- Даревская 1994 — *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – нач. XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 396 с.
- Дунаев 2019 — *Дунаев В. А.* Ответ ветерана русской общины В. А. Дунаева послу РФ в Монголии И. К. Азизову [электронный ресурс] // Монголия сейчас. 01.09.2019. URL: <http://www.mongolnow.com/otvet-veterana-russkoj-obshhiny-dunaeva-v-a-poslu-rf-v-mongolii-azizovu-i-k/> (дата обращения: 05.05.2024).

References

- Assmann J. C. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. M. Sokolskaya (transl.). Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Assmann A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. 328 p. (In Russ.)
- Assmann A. Another Dissatisfaction with Memorial Culture. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016. 223 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Collected Writings. In 7 vols. Vol. 6: Issues of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s–1970s. Moscow: Russkie Slovarei; Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2002. 800 p. (In Russ.)
- Buraeva O. V., Narantsetseg D. Russians in Mongolia: Evidence of A. I. Maslov. *Modern Scientific Thought*. 2019. No. 6. Pp. 167–176. (In Russ.)
- Veretnova A. The Fair-Skinned Mongolian Woman. Yekaterinburg: Izdatelskie Resheniya, 2019. 244 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Buryats in Russia, Mongolia, China: Preservation and Transformation of Folklore Traditions. Irkutsk: Ottisk, 2023. 216 p. (In Russ.)
- Darevskaya E. M. Siberia and Mongolia, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries: Essays on Russian-Mongolian Contacts. Irkutsk: Irkutsk State University, 1994. 396 p. (In Russ.)
- Dunaev V. A. Veteran of Russian community V. Dunaev responds to remarks by Russian Ambassador I. Azizov. On: Mongoliya Seychas. Posted on 1 September 2019. Available at: <http://www.mongolnow.com/otvet-veterana-russkoj-obshhiny-dunaeva-v-a-poslu-rf-v-mongolii-azizovu-i-k/> (accessed: 5 May 2024). (In Russ.)

- Дырхеева и др. 2023 — Дырхеева Г. А., Саранца-црал Э. Цыбенова Ч. С. Русский язык в Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. 199 с.
- Единархова 2008 — Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 136 с.
- Единархова 2015 — Единархова Н. Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 163 с.
- Козлов 1911 — Козлов П. К. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.). СПб.: Тип. Глав. управл. уделов, 1911. 160 с.
- Лувсанбалдан 2023 — Лувсанбалдан Одонтуйа. Двухязычие и русская диаспора Монголии // *Studie a články*. 2023. № 53–54. С. 32–46.
- Майский 1921 — Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отд., 1921. 472 с.
- Майский 1960 — Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М.: Вост. лит., 1960. 310 с.
- Маслов 2009 — Маслов А. И. Русские в Монголии. Улан-Батор: Мөнхийн Үсэг групп ХХК, 2009. 208 с.
- Матвеев 2007 — Матвеев Л. М. Русская колония в Монголии // *Ургинские ведомости*. 2007. № 10–11. С. 5–10.
- Михалев 2011 — Михалев А. В. Политический статус местнорусского населения Монголии (1966–2000 гг.) // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 8. С. 180–185.
- Михалев 2015 — Михалев А. В. Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // *Обозреватель – Observer*. 2015. № 9 (308). С. 105–119.
- Память...2010 — Память... В честь 65-летнего юбилея победы в Великой Отечественной войне. Улан-Батор: [б. и.], 2010. 76 с.
- Потанин 1883 — Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 г. по поручению Имп. рус. геогр. о-ва чл. сотр. одного Г. Н. Потаниным. Вып. 1–4. Вып. 3: Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-з. Монголии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1883. 372 с.
- Свечников 1912 — Свечников А. П. Русские в Монголии: Наблюдения и выводы. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1912. 150 с.
- Соколовский 2013 — Соколовский С. В. Этнические феномены // *ПостНаука*. 27.05.2013. URL: <https://postnauka.org/video/12898> (дата обращения: 20.05.2024).
- Старцев 2003 — Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – нач. XX в.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. 305 с.
- Dyrkheeva G. A., Sarantsatsral E., Tsybenova Ch. S. Russian in Mongolia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2023. 199 p. (In Russ.)
- Yedinarkhova N. E. Russian Consulate to Urga and Ya. P. Shishmarev. Irkutsk: Reprotsentr A1, 2008. 136 p. (In Russ.)
- Yedinarkhova N. E. Kyakhta and Its Trade, 1840s–1860s. Irkutsk: Ottisk, 2015. 163 p. (In Russ.)
- Kozlov P. K. The Three-Year Travel through Mongolia and Tibet, 1899–1901. St. Petersburg: Chief Directorate of [Russian] Appanages, 1911. 160 p. (In Russ.)
- Odontuya L. Bilingualism and the Russian diaspora in Mongolia. *Studie a články*. 2023. No. 53–54. Pp. 32–46. (In Russ.)
- Maisky I. M. Contemporary Mongolia. Irkutsk: State Publ. House, 1921. 472 p. (In Russ.)
- Maisky I. M. Mongolia on the Revolution's Eve. Second edition, rev. Moscow: Oriental Literature Press, 1960. 310 p. (In Russ.)
- Maslov A. I. Russians in Mongolia. Ulaanbaatar: Munkhiin Useg, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Matveev L. M. Russian colony in Mongolia. *Urginskie vedomosti*. 2007. No. 10–11. Pp. 5–10. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Political status of local Russians in Mongolia (1965–2000). *Buryat State University Bulletin*. 2011. No. 8. Pp. 180–185. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Creating the enemy: “Mestnorusskie” (local Russians) in Mongolia. *Обозреватель–Observer*. 2015. No. 9 (308). Pp. 105–119. (In Russ.)
- The Memory: Celebrating the 65th Anniversary of the Great Victory. Ulaanbaatar, 2010. 76 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: [Summarizing] Outcomes of the 1876–1877 Travel Undertaken on Instructions from Imperial Russian Geographical Society. Vol. 1–4. Pt. 3: Travel Notes and Materials on Physical Geography and Topography. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1883. 372 p. (In Russ.)
- Svechnikov A. P. Russians in Mongolia: Observations and Conclusions. St. Petersburg: Energiya, 1912. 150 p. (In Russ.)
- Sokolovsky S. V. Ethnic phenomena. On: PostNauka. Posted on 27 May 2013. Available at: <https://postnauka.org/video/12898> (accessed: 20 May 2024). (In Russ.)
- Startsev A. V. Russian Trade in Mongolia, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Barnaul: Altai State University, 2003. 305 p. (In Russ.)

- Сундужева 2014 — *Сундужева Д. Б.* Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии // *Дискуссия*. 2014. № 10 (51). С. 101–112.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Bruner 2004 — *Bruner J.* Life as Narrative // *Social Research* 71. No. 3. 2004. Pp. 691–710.
- National Report 2021 — National Report: 2020 Population and housing census of Mongolia. 2021-02-08 // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811341> (дата обращения: 05.05.2024).
- Sundueva D. B. Narrative history and «life world» of Russian community in Mongolia. *Diskussiya [Discussion]*. 2014. No. 10 (51). Pp. 101–112. (In Russ.)
- Halbwachs M. The Social Frameworks of Memory. S. Zenkin (transl., foreword). Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
- Bruner J. Life as narrative. *Social Research*. 2004. Vol. 71. No. 3. Pp. 691–710. (In Eng.)
- 2020 Population and Housing Census of Mongolia: National Report. On: National Statistics Office of Mongolia. Posted on 8 February 2021. Available at: <https://1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811341> (accessed: 5 May 2024). (In Eng.)

